

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Ф.В.БУЛГАРИНА О СПЕРАНСКОМ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГЛАВА II

Наполеон и Сперанский.

Наполеон откровенно объявил императору Александру, что в Европе должны быть две системы: *северная* и *западная*. Север должен принадлежать императору Александру, а Запад -- Наполеону. Между двумя системами, посредничающими державами должны были быть Пруссия и Австрия до тех пор, пока они добровольно не пристанут к той или другой системе. Это было почти то же, что Западная и Восточная империи в средние века, т.е. две власти для целого мира. Мысль была великая, но время и люди были не те, что в средние века! Тальран был прав, сказав, что Наполеон при всей своей гениальности был всегда поэтом в политике.

Не стану описывать царских забав на Эрфуртском конгрессе. Михаил Михайлович Сперанский рассказывал мне много подробностей, весьма занимательных, но уже отчасти описанных. Скажу только то, что лично касается до этого незабвенного для России мужа. Однажды прогуливаясь пешком в зимнее время по Петербургу, я встретил М.М.Сперанского возле сената. Это было в пятницу, а он тогда каждую неделю обедал в этот день на Васильевском острове у известного всем отставного корнета Яковлева. Я вызвался сопровождать Михаилу Михайловичу, и как было еще часа полтора до обеда, то мы пошли бродить по Васильевскому острову. Покойный Михаил Михайлович (тогда он еще не был графом) был ко мне чрезвычайно милостив, и его правосудию и личному заступлению обязан я тем, что мои родственники выиграли долголетний и запутанный процесс, в котором я принимал участие и по чувствам, и по материальным выгодам. Бывший его доверенным лицом и секретарем, находившийся при нем почти безотлучно в течение двадцати двух лет К...ма Г...ч Р...кий (ныне действительный статский советник) засвидетельствует[159], какое участие принимал во мне покойный граф Сперанский, и как был ко мне милостив и снисходителен. Я всегда говорил с ним откровенно о делах и лицах, говорил, что думал. Во время прогулки, мы встретили купца, который с необыкновенною радостью бросился к М.М.Сперанскому и поцеловал его руку, промолвив: "Отец и благодетель наш!" -- "Это мой сибирский знакомец", -- сказал Сперанский. Тут речь зашла о Сибири, и наконец о причинах постигшего его несчастья. М.М.Сперанский сказал мне: "Несчастье мое начинается с Эрфурта. Наполеон был чрезвычайно ласков со мною и часто обращался ко мне с вопросами. Однажды после обеда, когда государь-император изволил разговаривать с королем саксонским, Наполеон подвел меня к окну и спросил, каким образом можно было устроить сосредоточение всех дел (централизацию) в такой обширной империи.

В коротких словах я объяснил ему нашу систему управления и растолковал превосходное учреждение о губерниях императрицы Екатерины II. А как я

тогда уже занимался проектом нового государственного учреждения, то все существующее у нас, изученное мною, было у меня в свежей памяти. Наполеон был очень доволен моим объяснением, и подведя меня к государю императору, сказал в шутку: "Не угодно ли вам, государь, променять мне этого человека на какое-нибудь королевство?" Это была шутка, но она перешла в Россию к моим недоброжелателям и послужила им орудием против меня. Это я знаю наверное".

Кажется, мудрено было из этой шутки составить что-нибудь: но зависть из паутины вьет канаты! Это я испытал на себе.

[159] Ссылаюсь на этого почтенного человека потому, что непримиримые и ожесточенные литературные враги мои, употребляя все средства к унижению меня в глазах публики, печатали, будто я *хвастаю(!)* связями с *умершими!!!* Я уже отвечал на это в предисловии к 1-й части моих Воспоминаний, и потому не повторяю теперь моего опровержения на *подобные обвинения*; но для улики моих врагов буду или ссылаться на живых людей, или прилагать документы. Злоба ослепляет! Ужели враги мои хотят, чтоб я рассказывал анекдоты о *живых людях* и говорил о моих к ним отношениях? Бессмыслие -- и только!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГЛАВА V

Биографический и характеристический очерк М.М. Сперанского.

В 1809 году государственному устройству дано сильное движение возвышением двух необыкновенных людей в званиях, где они могли свободнее действовать на пользу общую. М.М.Сперанский назначен был товарищем министра юстиции, членом комиссии о составлении законов и членом комиссии об управлении духовных училищ. Товарищем министра внутренних дел назначен был тайный советник Осип Петрович Козодавлев. О М.М.Сперанском я буду говорить подробно, а о Козодавлеве скажу только, что он бесспорно заслуживает благодарной памяти всех русских патриотов.

Но кто более всех обращал на себя внимание на гражданском поприще, кто более всех действовал и произвел из всех сподвижников императора Александра в великом подвиге преобразований и усовершенствований? Это, без всякого сомнения, Михаил Михайлович Сперанский. О нем тогда везде и все говорили, им более всех занимались. Сообщаю о нем что *знаю* от его рождения до кончины. Теперь можно говорить о нем откровенно и справедливо. Если на могиле заслуженного мужа не высказать правды -- то уж лучше отречься от нее!

М.М.Сперанский родился в 1771 году и происходил из духовного звания. Он был

сын священника Владимирской губернии и уезда, села Черкутина. Первоначальное образование получил он во Владимирской семинарии. Фамилия отца Михаила Михайловича Сперанского была *Грамотин*, но в семинарии дано ему название Сперанского (от латинского слова spes, надежда, sperans, находящийся) по необыкновенным его успехам в науках, по способностям и характеру, возбуждавшим в профессорах большие надежды насчет будущей судьбы их питомца. Они не обманулись в своих надеждах. Мы имеем многие примеры перемены фамилий в семинариях. Образование свое М.М.Сперанский кончил в С.-Петербургской Александро-Невской духовной академии. Он изучил основательно в школах языки латинский и греческий, а современным языкам: немецкому, английскому и французскому, обучался у частных учителей на собственный счет, уже занимая в академии звание профессора словесности, а потом и математики, к которой он имел непреодолимую склонность. Когда я, однажды, спросил М.М.Сперанского, почему он предпочел математику другим наукам, он отвечал мне, со своею обыкновенною услаждавшею душу улыбкою: "Потому что положительные истины только в одной математике". Я никогда расспрашивать, да и не смел его о том расспрашивать, каким образом он вошел на поприще гражданской службы и оставил ученое звание. Известно, однако ж, что он преподавал уроки в доме князя Алексея Борисовича Куракина, занимавшего важную должность при генерал-прокуроре князе Вяземском. Князь Куракин, часто разговаривая с профессором, был очарован его глубокими и разнородными познаниями и возвышенными идеями, и предложил ему место частного своего секретаря, которое М.М.Сперанский принял охотно. Когда при восшествии на престол императора Павла Петровича князь А.Б.Куракин произведен был в генерал-прокуроры, он немедленно предложил М.М.Сперанскому перейти на гражданскую службу (в 1797 году) под его начальство. Сперанский был тогда по двадцать шестому году возраста.

Необыкновенные дарования, глубокие познания и ясное, чистое изложение трудных дел, поручаемых Сперанскому, сделали его вскоре известным всем лицам, занимавшим важные должности. Он занимал место секретаря при трех генерал-прокурорах князе А.Б.Куракине, Беклешове и Оболянинове, и дослужился в этом звании до чина статского советника. Всех лучше оценил его граф Виктор Павлович Кочубей. При восшествии на престол императора Александра Сперанский в 1801 году, на тридцатом году от рождения, будучи уже статским советником, назначен статс-секретарем в Государственном совете, не имевшем тогда никакого определенного устройства. Я слышал, что граф В.П.Кочубей ходатайствовал за Сперанского и просил о назначении его на это место. Почти все важные государственные акты, вышедшие в свет до 1812 года, написаны Сперанским. При образовании министерств в 1802 году Сперанскому высочайше поручено было составить под надзором графа В.П.Кочубея, первого министра внутренних дел, план устройства этого министерства. Этот план долженствовал служить образцом для всех других министерств. Сперанский исполнил поручение с величайшим успехом и доказал свои глубокие познания в деле государственного управления. Годовые отчеты Министерства внутренних дел, составляемые Сперанским и печатаемые в *С.-Петербургском журнале*, им учрежденном и издававшемся

при этом министерстве (с 1804 до конца 1809 года), обратили на себя внимание не только всей России, но и всей Европы, в которой они сделались известными по сочинению академика Шторха: *Russland unter Alexander I* (т.е. Россия при Александре I). Кроме высоких идей и выражения благого направления правительства, заключающихся в этих отчетах, они, равно как и все статьи С.-Петербургского журнала, были и навсегда пребудут образцами канцелярского слога, каким должны писаться официальные бумаги в государстве просвещенном. *С.-Петербургский журнал* составляет эпоху не только в русской администрации, но и в русской письменности; он произвел самое благодетельное влияние во всех отраслях управления. В 1803 году государь поручил Сперанскому, также через графа В.П.Кочубея, составление плана образования судебных и правительственных мест в империи, что исполнено им превосходно, хотя некоторые части плана и не приведены в исполнение в ожидании общего преобразования.

Узнав способности Сперанского, император Александр назначил его товарищем министра юстиции и директором комиссии о составлении законов и приблизил его к своей особе (в 1808 году). Государь поручал ему обработку всех важнейших дел и планов по части высшего государственного управления, и передавал ему все поступавшие к нему проекты по этому предмету. В конце 1808 года Сперанский стал уже весьма близким к государю лицом. Государь император сам прилежно занимался делами, и проводил целые вечера со Сперанским в своем кабинете в чтении различных сочинений, относящихся к государственному устройству и управлению, и наконец поручил ему составление плана государственного образования по собственным своим идеям. План был составлен, и государь, рассмотрев его подробно, вознамерился привести его в действие по частям, чтоб не вдруг все ниспровергнуть, основываясь на одной теории. Из этого плана приведены в исполнение образование Государственного совета, устройство министерств и устав каждого из них с определением порядка их сношений между собою, и в следствие этого же плана учреждены два новые министерства: полиции и государственного контроля. Преобразование правительствующего сената и другие важные изменения в управлении остались неисполненными. В комиссии о составлении законов Сперанский составил две части гражданского уложения, и внес их в совет. Третья часть, заключающая в себе коммерческий устав и уголовное право, требовала только отделки. В этом труде Сперанский не имел ни одного помощника, и все составил один, не обращая никакого внимания на представленные ему проекты Г.Розенкампом и другими. По покорении Финляндии Сперанскому было поручено управление этого края и новое его устройство, и в то же время он был назначен канцлером Абоского университета (ныне Гельсингфорского), который навсегда будет помнить заслуги Сперанского, исходатайствовавшего от щедрот государя императора умножение его доходов и другие важные преимущества. В то же время Сперанскому дано поручение преобразовать все духовные училища в России, и устроить прочное их управление, что исполнено им с величайшей мудростью.

Но важнейший труд Сперанского -- это изменение финансовой системы. В конце 1809 года ассигнации начали упадать в курсе, и в смете на 1810 год

представлен был недостаток в 105 миллионов рублей. Войны истощили казну, а необходимость быть готовым к новой войне требовала скорой помощи. Положение финансов беспокоило государя императора. Все представленные государю планы заключались в умножении ассигнаций! Император Александр поручил наконец Сперанскому составить план к прикрытию издержек и восстановлению кредита. План Сперанского основывался на четырех началах. Он предложил: 1) Прекратить выпуск ассигнаций и для убеждения в этом народа, сделать эту меру гласной. 2) Уменьшить число ассигнаций учреждением капитала погасительного и прочного посредством увеличения налогов. 3) Учредить постоянные доходы для прикрытия государственных расходов, определить с точностью расходы, сократить и привести в порядок издержки. 4) Подвергнуть все сметы министерств контролю Государственного совета, а все издержки контролю государственному. План этот хотя был одобрен государем императором и Государственным советом, но не был исполнен во всех своих частях самими исполнителями. Однако ж, он принес величайшую пользу, и приносит ее до сих пор предварительным рассмотрением смет и последовательною проверкою издержек в государственном контроле, который был страшен при покойном бароне Бальтазаре Бальтазаровиче Кампенгаузене (государственном контролере), человеке с необыкновенным умом, деятельностью, беспристрастием и правдивостью.

Со вступления своего на поприще гражданской службы с 1797 по 1812 год, т.е. в течение пятнадцати лет, Сперанский достиг важного звания государственного секретаря, был тайным советником, александровским кавалером, и что всего драгоценнее, пользовался милостью и доверенностью государя императора. Но между тем, как он, по воле и по мыслям государя, работал неутомимо, под ним копали пропасть, в которую наконец он обрушился.

Всем известно, что самые благодетельные нововведения находят всегда и везде множество порицателей, и что каждое частное лицо, вышедшее из своей сферы в высший круг своими личными достоинствами и заслугами, должно иметь завистников, следовательно, и врагов. Это ведется везде на свете с тех пор, как люди образовали гражданское общество. Даже самый скромный ум, чуждый всякого честолюбия, имеет непримиримых врагов, если дерзнет выглянуть на свет, а клевета старается предварительно заградить ему путь к высоте. Как же можно было Сперанскому не иметь врагов! Все нововведения и все проекты приписывались ему. Указ 6-го августа 1809 года воспламенил против него ненавистью всех чиновников, для честолюбия которых предел назначался только до чина титулярного советника, а для перешедших за эту черту прежде издания указа -- только до чина коллежского советника. Высшее прохождение чинов назначалось только людям, посвященным в таинства наук! -- спрашиваю, чего более в каждом государстве: невежества или просвещения? Целые легионы чиновников с чадами и домочадцами вопияли против Сперанского, и обновляли свою злобу при каждом производстве образованного товарища. Мало того что все вопияли, были и такие, которые рассевали клеветы, и во всем, едва ли не в дурной погоде или повальной болезни, обвиняли Сперанского. Купцы приписывали ему упадок торговли, происшедший вследствие континентальной системы, веря мнимой

его приверженности к Наполеону. Учреждение контроля также наделало ему непримиримых врагов, а главная причина самой опасной для Сперанского вражды -- это была милость и доверенность к нему государя, передававшего на его обсуждение многие представляемые ему бумаги и доклады и требовавшего часто откровенного мнения о делах и лицах. Собрано было все, чтоб очернить характер Сперанского, и представить его человеком вредным и опасным. Его скромность и ласковость называли притворством и лицемерием; искреннюю душевную его вежливость и снисходительность именовали умышленною вкрадчивостью; его планы к улучшению всех частей государственного устройства -- средствами к возбуждению негодования в народе против правительства в пользу Наполеона, высоко ценившего его достоинства. Набожность Сперанского, твердую, потому что она была основана на высшей философии, называли ханжеством. Выводимый часто из терпения, Сперанский иногда смело и правдиво отзывался о некоторых лицах -- и это названо было злонамеренностью, а суждения его о недостатках прежних форм в администрации почитаемы были якобинством.

Всю эту хитросплетенную клевету, прикрашенную мнимым усердием, представляли государю в различных формах, от разных лиц и из разных мест в самое опасное время, при начале Отечественной войны, когда государю некогда было заняться рассмотрением и исследованием многосложного и ужасного доноса, и государь, полагая, что уступает необходимости и что удалением Сперанского успокоит раздраженные умы народа, решился на устранение его от дел. Не было, нет и не будет человека, как говорит Шекспир, "от жены рожденного", которого бы нельзя было обмануть хотя однажды в жизни, и неудивительно, что мудрый, благодушный, истинно благословенный император Александр если и не поверил совершенно клевете, то, по крайней мере, усомнился в человеке, которого никто не смел защищать перед ним, и притом в такую опасную годину, когда даже нельзя было колебаться между отечеством и одним подданным!..

Не смею называть главных виновников несчастья Сперанского, хотя они уже все в могиле, там, где и жертва их злобы. Но могила не все прикрыла! Добрые и злые дела остаются, и громко возопиют в потомстве!

Сперва Сперанский был удален в Нижний Новгород, в котором он прожил спокойно шесть месяцев. Когда французы заняли Москву, Сперанскому назначен для жительства город Пермь, в 1500 верстах от Москвы. Эта мера огорчила его, потому что она некоторым образом подтверждала подозрение о сношениях его с врагом отечества, отдаляла от малого числа друзей, оставшихся ему верными в несчастье, и поставляла в затруднение насчет издержек при ограниченном состоянии. Но он вскоре утешился, удостоверясь, что император Александр, которого он обожал, помнит о нем, потому что он назначил ему значительную пенсию. В Перми Сперанский провел все время Отечественной войны, а в январе 1813г. осмелился написать к государю письмо, в котором изложил вкратце все свои действия, и опровергая клевету, просил исследовать доносы, а между тем позволить ему провести остаток жизни в забвении в имении жены^[168] его в деревне Великополье, восьми верстах от Новгорода. Письмо это Сперанский послал с

дочерью своею[169], чтобы оно верно поступило в руки государя.

Государь император дозволил ему жить в имении жены своей, обещая при первой возможности рассмотреть дело и все бумаги, оставшиеся в кабинете Сперанского.

М.М.Сперанский с необыкновенным удовольствием вспоминал о пребывании своем в Великополье. "Там нашел я, наконец, тихую пристань после бурного плаванья, -- сказал он мне однажды. -- исполнив долг мой государю и Отечеству, по совести и крайнему разумению, -- продолжал он, -- я наконец мог жить для себя и для моего семейства, быть полным хозяином моего времени, заниматься тем, что составляло мою радость и услаждение, не зная никакого принуждения. Я сам давал уроки моей дочери, кончил и пересмотрел перевод мой *"О подражении Иисусу Христу, сочинение Фомы Кемпийского"*, начатый еще в Перми, и до того начитался Тацита, что почти выучил его наизусть. Все изученное, прочитанное и написанное мною в течение всей моей жизни, я, так сказать, уложил в порядке в моей памяти, и составил выводы (результаты). Я был совершенно спокоен в убеждении, что государь помнит обо мне, что истина непременно обнаружится и проникнет в общее мнение, и что оно, наконец, перестанет быть мне враждебным". Так и случилось! В 1816 году (в августе) последовал именной указ, в котором император Александр, назначая Сперанского пензенским гражданским губернатором, оправдал его перед Россиею и Европою, сказав в указе, что, получив важные доносы в то самое время, когда отправлялся в армию, он не мог рассмотреть их с надлежащею точностью и по важности обвинений благоразумие требовало удалить от дел обвиненного; но что по произведенному следствию обвинения оказались неосновательными. Этого было довольно, и хотя звание губернатора не соответствовало занимаемым им до его удаления местам, Сперанский принял его с благодарностью, сожалея только о своем тихом убежище. В то же время государь пожаловал ему 7000 десятин земли. Правосудием, бескорыстием, снисходительностью и ласковостью своею Сперанский приобрел беспредельную любовь и глубокое уважение жителей всех сословий Пензенской губернии -- и управление его названо златым веком. В 1819 году император Александр назначил Сперанского сибирским генерал-губернатором и председателем двух комиссий. Первая должна была исследовать законным порядком все злоупотребления, которым Сибирь подвергалась в прежнее управление, а вторая комиссия должна была составить план для управления этой обширной страны, населенной различными народами. М.М.Сперанский назначен был генерал-губернатором после тайного советника Ивана Борисовича Пестеля, и после отрешения от должности известного иркутского гражданского губернатора, Николая Ивановича Трескина.

М.М.Сперанский оставил по себе незабвенную память в Сибири. Он был достойным представителем мягкосердия императора Александра, его правосудия и любви к народу. Пока будет существовать Сибирь, до тех пор будут там вспоминать с умилением о Сперанском, как об ангеле-хранителе, ниспосланном самим Богом, внушившим Своего Помазанника. Я сам видел, и неоднократно, слезы сибиряков при произнесении имени Сперанского!

Каждый сибиряк, приезжавший в Петербург, ходил к Сперанскому, как к отцу, чтобы взглянуть на него и услышать звуки его голоса. Это была отрада для каждого! Представитель правительства, возбуждая к себе общую приверженность и доверенность при исполнении своих обязанностей, оказывает правительству величайшую услугу, заставляя любить его.

В два года Сперанский изъездил всю Сибирь, чтобы узнать нужды и средства края, познакомиться на месте с образом жизни, промыслами жителей и управлением, и наконец, в 1821 году составил план управления Сибирью, который приведен в действие под именем *Сибирского уложения*. Характеристическое достоинство этого уложения состоит в том, что в нем не забыты нужды и отношения всех сословий народа -- от диких инородцев, коренных жителей Сибири, до богатых граждан и чиновников.

В 1821 году Сперанский призван был в Петербург. В девять лет его отсутствия из столицы все переменялось! Клевета была забыта, и заслуги Сперанского ярко сияли. Император Александр принял Сперанского не только милостиво, но с чувством, и Михаил Михайлович до своей кончины всегда с умилением вспоминал об этом свидании. "Я хотел говорить, изъявить благодарность мою государю, -- сказал мне Сперанский, -- и не мог... взглянул на него... и залился слезами!" Государь обнял меня и сказал: "Забудем прошлое". -- "Нет, государь, отвечал я сквозь слезы: я помнил всегда и никогда не забуду Ваших милостей и Вашей благодати. Вы человек -- следовательно могли ошибиться"... Император Александр назначил Сперанского членом Государственного совета и членом комиссии о составлении законов, и он снова начал усердно трудиться на пользу общую.

Ныне благополучно царствующий государь император Николай Павлович почтил высокие заслуги и достоинства Сперанского, поручив ему исполнение величайшего и бессмертного подвига своего царствования -- составление *свода законов*, и наградил истинно по-царски. Сперанский произведен в действительные тайные советники, получил Андреевскую ленту, графский титул, обеспечение состояния, а в знак своей доверенности государь император предоставил Сперанскому преподавание законодательства его императорскому высочеству государю цесаревичу, наследнику престола.

Всеми любимый и уважаемый граф Михаил Михайлович окончил земное свое поприще в январе 1839 года, на шестьдесят осьмом году от рождения. Труды и внутренние страдания расстроили крепкое его здоровье. Он мог бы еще долго жить для пользы отечества. К общему сожалению, Сперанский не оставил наследника своего имени, которое будет ярко сиять в умственной части народной русской истории!

Сперанский был высокого роста и отлично сложен. Прекрасное лицо его выражало ум и кротость. Высокое чело его запечатлено было гениальностью. Звук его голоса производил какое-то очарование, улыбка проливалась в сердце усладу; кроткий взгляд его проникал в душу и возбуждал к нему доверенность. Ничто не могло противостоять его красноречию. Он выражал свои мысли просто, ясно, кратко, а когда был одушевлен, то озарял речь свою лучами поэзии. Никто не говорил по-русски лучше Сперанского, и никто не

знал так основательно письменного языка, как он. В каждой его работе виден практический ум математика. Все имеет основание, постепенность, систему, и потому выводы и заключения ясны. Не знаю, может ли быть человек с лучшим сердцем, какое было у Сперанского. Кто только знал его, тот его любил до обожания. Никому не сделал он умышленного зла, и великодушно прощал своим врагам. Россию Сперанский любил выше всего в мире -- и только человечество ставил выше отечества, т.е. он не желал бы, чтобы слава его основана была на бедствии человеческого рода. Он был вовсе чужд предрассудка, который порождает ненависть или недоброжелательство к иноплеменникам или чужезычным племенам, составляющим народонаселение России. Религиозность его была высокая, и он был враг ханжества и нетерпимости (intolerance), желая чтобы каждый поклонялся создателю по своему внутреннему убеждению. Сперанский был человек истинно европейский, который бы в самых просвещенных странах мог занимать первые государственные должности. Даже враги его не могли ничего выдумать на счет его бескорыстия! Никогда не осквернил он рук своих неправым стяжанием. Все, что он имел, было даром государей, которым он служил верно и усердно. Не было и не будет человека бескорыстнее и честнее Сперанского.

Государственные труды отвлекали его от принятия деятельного участия в отечественной литературе, которую он любил страстно, читал много, и уважал и ласкал писателей, которых труды почитал полезными. Однако ж, среди государственных трудов, он успел написать и издать: 1) Избранные места из разных творений Фомы Кемпийского, перевод с латинского. Сиб., 1819. 2) "О подражании Иисусу Христу, Фомы Кемпийского" и проч., перевод с латинского, 1819, 1821, 1844. 3) Правила высшего красноречия, напечатано в 1844 году. 4) Обзорение исторического сведения о Своде законов и проч. 1833 года и 5) Руководство к познанию законов (напечатано в 1845 г.). Последнее сочинение есть перечень уроков, которые преподавал М.М.Сперанский его высочеству цесаревичу, так сказать его собственная тетрадь, по которой он развивал изустно начала, находящиеся в ней. Влияние М.М.Сперанского на русский язык было сильное и благотворное. Н.И.Греч в *Опыте краткой истории русской литературы* (первое издание 1822 года, стр. 253) говорит: "Образцами дипломатического слога могут служить манифесты, указы и другие важные акты, изданные с самого вступления на престол ныне царствующего императора (писано при жизни Александра); в числе оных особенно отличаются: манифесты о подтверждении прав дворянства и градских обществ, о кончине великой княгини Александры Павловны, о милиции 1806 года и мн.др. В них нельзя не узнать пера М.М.Сперанского, которому сверх того литература и христианское нравоучение обязаны превосходным, переводом творения Фомы Кемпийского: *"О подражании Иисусу Христу"*. Примеры чистого, правильного и благородного слога можно найти в С.-Петербургском журнале (1804--9), издававшемся при Министерстве внутренних дел". Все статьи этого журнала, как известно, были писаны или пересмотрены и переправлены Сперанским.

Не только враги, но даже и многие приверженцы М.М.Сперанского упрекали его

в слабости характера. Ложное обвинение! Каким образом человек без силы душевной мог дойти до такого высокого звания, без всяких связей, без интриг, одними своими достоинствами? В счастье Сперанский не был горд, и несчастье претерпел с Сократовым мужеством, никогда не унижаясь и всегда действуя прямодушно. Разве это не сила характера? Многие требовали, чтобы он рвался, кричал, подавал планы к изменению того, что казалось недостаточным, Указывал на зло, и т.п. Это беспокойство и движение некоторые называют силой *характера*. Ложное мнение! Сперанский, не имея на что опереться в случае неудачи, принял за неизменное правило, от которого он никогда не отступал: говорить тогда только, когда его спросят, и писать о том, что представлялось его суждению по его званию или что ему особенно поручено, не вмешиваясь в чужие дела. Это вовсе не означает слабости характера, как многим кажется, но это истинная мудрость. Полагаю даже, что у нас и не должно делать иначе, чтоб не произошло столкновений, недоразумений. Пусть только каждый на своем месте поступает так совестливо и с таким познанием дела, как поступал Сперанский -- былъ бы доволен! Сперанский был в полной мере человек добродетельный и мудрый в жизни общественной и семейной, в кругу своих приверженцев, которым он был предан душою, и между своими врагами и завистниками, о которых он только сожалел, и никогда даже не помышлял о мести. Ни одно пятно не пало на его светлую, тихую, примерную жизнь -- и о нем можно сказать то, что сказал Тацит об Агриколе:

"Quidquid ex Agricola amavimus, quidquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporam, fama rerum. Nam multos veterum, velut inglorios et ignabiles, oblivio obraet: Agricola, posteritati narratus et traditus, superstes erit. Т.е. Все, что мы любили и чему удивлялись в Агриколе, живет и будет вечно жить в сердцах вместе с памятью дел его. Многие из пользовавшихся в старину известностью, погибнут в пучине забвения, в бесславии и ничтожестве; Агрикола, перенесенный в потомство повествованиями и преданиями, -- останется бессмертным".

Я представлен был Сперанскому Александром Ивановичем Тургеневым в 1823 году, когда я издавал Северный архив. М.М.Сперанский любил отечественную историю, прочел все, что было о ней писано по-русски, по-немецки и по-французски, и составил о многих трудных и неразрешенных вопросах истории собственные свои мнения. -- Позволив мне навещать его, особенно по утрам, от 7-ми часов до 10-ти, когда он не принимался еще за дела, и вечером от 9-ти часов, Михаил Михайлович в несколько посещений моих, так сказать, прозкзаменовал меня. Потом он всегда принимал меня ласково, хотя я и не беспокоил его часто. Я ходил к нему, как к оракулу, для разрешения моих сомнений о разных предметах, за советом, а иногда за утешением. Взгляд его и звук голоса действовали на меня магически. В тот день, когда я видел Сперанского и слышал его голос -- я был счастлив! Он одобрял меня в ратовании за исторические истины, за чистоту языка и изящное, почитал статьи мои о нравах полезными -- и это придавало мне силу и мужество. Вражда пигмеев-гордецов, которым я не хотел покориться, казалась мне ничтожною после ласкового слова Сперанского! Мои мысли насчет русской истории, изложенные в моем сочинении "*Россия в*

историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях" были одобрены Сперанским, принимавшим живое участие в этом моем труде. Во многом я прибегал к его советам. Искажение русского языка, начавшееся в журналах и теперь дошедшее до высшей степени безумия, сильно огорчало Сперанского. Не хочу повторять его суждений насчет искажителей, чтоб не приписали его слов мне.

Когда фамильный процесс мой вошел в Государственный совет на разрешение в 1825 году, М.М.Сперанский жил на даче в Парголово, в доме графов Шуваловых, которых он был попечителем. Против меня была сила. Я явился к М.М.Сперанскому и сказал только: "*Защитите!*" -- "Любезный друг, -- отвечал мне Сперанский, -- если вы правы, я буду защищать вас всеми зависящими от меня средствами, а если неправы, то искренно пожалею о вас -- и буду против вас. Я велел доставить ко мне все дело, и нынешним летом рассмотрю его во всех подробностях". К.Г.Р*****ский, бывший тогда при его особе, знает хорошо, как занимался моим делом Сперанский, он рассмотрел его во всей подробности, поверил все подлинные акты, подал мнение, с которым согласились почти все господа члены Государственного совета, -- и я выиграл тяжбу! Никогда не дерзнул я спросить предварительно, что думает Михаил Михайлович о моем деле -- и никогда он мне не сказал ни слова! Когда я стал благодарить его, он отвечал: "Радуюсь, что ваше дело правое!"

Однажды во время прогулки (а я ловил его на прогулках, боясь беспокоить часто на дому) речь зашла о постигнувшем его несчастье, и я изъяснил мое удивление, что не нашлось защитников истины. -- "Если б я был в фамильных связях с знатными родами, -- сказал Сперанский, -- то, без сомнения, дело приняло бы другой оборот. Кто хочет держаться в свете, тот должен непременно стать на якорь из обручального кольца". Эту фразу я ввел в роман мой "Петр Иванович Выжигин", и М.М.Сперанский сказал мне после того в шутку: "Вы человек опасный -- печатаете приятельские беседы!" Не могу привести здесь всего, что говорил Сперанский о русской литературе, потому что мои *благодетели* могли бы подвергнут сомнению верность слов моих.

Сперанский -- это редкое явление, которое, вероятно, не повторится в течение долгого времени! Почитаю себя счастливым, что я знал его и даже заглядывал в его высокую душу, и что дожил до того времени, в которое отдана ему была полная справедливость. Эта справедливость в награде Сперанского есть неувядающий лавр в венце нашего доброго государя! Дай Бог ему за это во всем счастья!

[168] М.М.Сперанский женат был на англичанке, девице Стюэнс (Stewenss), которой мать была воспитательницей детей графа Андрея Петровича и Катерины Петровны Шуваловых. Одна из питомиц ее, графиня Прасковья Андреевна, вышла замуж за князя Михаила Андреевича Голицына, а другая, графиня Александра Андреевна, за князя Франциска Дитрихштейна. Дети княгини П.А.Голицыной, урожденной графини Шуваловой, служат с честью в генеральских чинах,

пользуясь общей любовью и уважением. Князь Андрей Михайлович Голицын, генерал-лейтенант, облечен ныне в важное звание витебского, могилевского и смоленского военного губернатора, а князь Михаил Михайлович Голицын, генерал-майор Главного штаба его императорского величества, обер-квартирмейстер отдельного корпуса внутренней стражи. Супруга М.М.Сперанского, воспитанная в семействе, отличавшемся всеми похвальными качествами души и ума, была образцом кротости, ласковости и всех христианских добродетелей, но жила недолго. М.М.Сперанский никогда не мог утешиться в этой невозвратной потере, и хотя ему впоследствии предлагали многие выгодные партии, он из уважения к памяти покойной жены и из любви к дочери остался вдовцом.

[169] Елисаветой Михайловной, бывшей в замужестве за сенатором тайн, советы. Александром Васильевичем Фроловым-Багреевым.